

КРАСОТА

БЕЗ

СМЫСЛА

*Тли.мур
Ах.перов*

12+

Тимур Ахмеров

Красота без смысла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64338631

SelfPub; 2023

Аннотация

Серж Лерв, сын стражника родом из Сарепты, вспоминает, как протекала его жизнь, начиная с момента, когда он, нанявшись в охрану барона, встретился с отрядом воинов Севера.

Содержание

I. Шестнадцать мгновений наемника	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	17
8	22
9	24
10	26
11	32
12	34
13	36
14	37
15	41
16	43
II. Дюжина уроков студента	47
1	47
2	51
3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тимур Ахмеров

Красота без смысла

Под приятный шум морского прибоя я неспешно прогуливался по пустынному берегу. На востоке алела утренняя заря, воздух был прохладен и свеж. Было хорошо. Прошел год, как я отошел от дел, и прогулки, подобные сегодняшней, стали привычным для меня делом. Наконец, испарились прежние тревоги, исчезла пустота, однако не покидало ощущение, что до конца в своих проблемах я так и не разобрался. Впрочем, сегодня, мне казалось, все должно измениться. Рациональных доводов для этого не видел – просто ощущения, которым я в последнее время доверял все больше.

Привычно отпустив мысли на волю, неожиданно получил воспоминание о, казалось бы, незначительном эпизоде. «Два десятка хмурых северян, улыбочивый старик и высокий парень лет двадцати пяти...» Я передернул плечами. Зачем вспоминать такое? Но память упорно продолжала шептать: «Нас встретили у выезда из Сарепты. Два десятка хмурых северян, улыбочивый старик и высокий парень лет двадцати пяти...»

І. Шестнадцать мгновений наемника

1

Нас встретили у выезда из Сарепты. Два десятка хмурых северян, улыбочивый старик и высокий парень лет двадцати пяти.

– Барон Лафорт? – мягко спросил молодой воин.

– С кем имею честь? – бросил наш начальник.

– Стивен Новарт, командир батальона Второго Северного баронства.

– Почему здесь? До вашего баронства еще куча миль.

Нас было десять: девять воинов и барон. Против северных бандитов, представившихся батальоном, ни единого шанса. Если ж они не бандиты, то... с какого перепуга так далеко от границы?

– Ради вашей безопасности, ваша светлость, – по-прежнему мягко говорил воин. – Велено доставить вас невредимым, граница близко, бывают разные случаи.

Если это близко, то что тогда далеко? Похоже, наниматель это понимал:

– Нужны подтверждения, Новарт. Так кто угодно может

представиться нашей охраной.

– Да, конечно, ваша светлость, – северянин быстрым движением вынул сложенный лист бумаги и протянул барону.

Тот взял, развернул, прочел, посмотрел на свет и, вернув бумагу, кивнул:

– Хорошо, Новарт, едем.

2

– Я тебе так скажу, парень, Стиви свое дело знает, – почти шепотом вещал старик-северянин. – Ты не смотри на его возраст, мягкость и все такое. Нет, парень, ты смотри на другое: батальон, опытные воины, ну и я в придачу, а кто во главе, а? Правильно, парень: он!

Как-то так вышло, что старик поехал рядом со мной. Барон раскачивался в карете с кучером во главе, шесть личных воинов – вокруг, а впереди и сзади этой процессии – северяне. Глубоко в хвосте остался первый наемник из Сарепты, а в самом авангарде вслед за Новартом ехал я. Все воины были, ясное дело, на конях.

Собственно, старик завел свою шарманку о достоинствах командира после стычки того с бароном. Командир настаивал на обходной дороге, но барон уперся и сказал, что только по прямой и никак иначе. То ли обычаев местных барон не знал, то ли мнит себя неизвестно кем, но северянин, как ни странно, все слова в свой адрес проглотил и молча поехал, как велела «баронская светлость».

Видно, старик увидел удивление и сомнение на моем лице и принялся защищать своего командира. Только говорил тихо, чтобы Новарт не услышал.

Я-то старику, конечно, кивал, однако прекрасно знал норов местных солдат – и ох, как это не стыковалось с тем, что

я увидел. Ведут нас в засаду? Или Новарт – чей-то сынок, поставленный по благу? Благ он и на Севере благ. Тогда беда. С таким командиром ловить нечего.

– Нет, парень, ты мне, похоже, не веришь, – говорил старик. – Ну, скажи правду, чего думаешь?

А ты, старик, похоже, нашел себе развлечение. Со своими суровыми молчунами не поговоришь, с воинами барона и подавно, остался один лишь я, с кем можно языком трепать. И мне приходилось поддерживать беседу:

– У нас говорят: скажи северянину, что о нем думаешь, и досчитай до одного.

– Почему до одного? – усмехнулся старик.

– А больше не успеешь.

Старик рассмеялся:

– Да нет, парень, ну ты что, стал бы я тебя на такое раскручивать. Мы ж все в одной лодке. Впереди, небось, разбойники всякие, а мы тут с тобой бок о бок едем. Ты, главное, все в приличной форме выражай, и никто тебя не обидит. Да и нестрашные ж мы, вон посмотри хоть на... э, Стиви. Ну еще на меня.

В ответ я обвел взглядом едущий позади нас десяток мрачных северян. Старик с улыбкой повторил мой маневр и снова рассмеялся:

– Они на самом деле веселые ребята, просто ты их пока мало знаешь.

3

– Засада, командир! – доложил худощавый воин, прискакавший нам навстречу.

– Кто и сколько?

– Банда Робера. Насчитал десяток: два лучника, двое с арбалетами, остальные с мечами. Еще двух-трех мог не увидеть.

– Хорошо, Кевин.

Новарт развернулся и поскакал к карете.

– Эх, парень, – принялся комментировать ситуацию старик, – а ведь командир говорил твоему господину: не езжай ты этой дорогой, дорого, дорогой ты наш, за это заплатишь. И что? Заупрямился твой господин – и вот тебе результат.

– Ага, а тот, как истинный северянин, его и послушал, – хмуро буркнул я.

– Ну наконец, парень, расшевелился, а то все: досчитай до одного, северяне такие страшные. Видишь: сказал гадость, а жив.

– Не гадость, а правду.

– Во! Теперь еще и огрызаться начал. – Старик откровенно надо мной издевался. – Думаешь, эти разбойники такие страшные, что ль? Да раз плюнуть не то что для Стиви, а даже для меня. Я б их раскатал как детей, а у нас всего пара раненых была б, и то самых дурных, которые вперед лезут

без спроса, то есть совсем не северян, а вот... вроде этого типа, – старик с ухмылкой стрельнул глазами в бок.

Там ехал барон.

4

– Ваша светлость, это опасно, – пытался уговорить барона молодой командир.

– Я вам уже все сказал. И это приказ, Новарт! – свирепствовал барон. – Больше никаких обсуждений. Вы – моя охрана. Ничего более. Понятно?

– Вас понял, ваша светлость.

Старик прошептал мне:

– Ты уж, парень, прости, но твой господин – дура-ак.

На переговоры с разбойниками мы ехали впятером. Новарт хотел взять лишь Кевина и десятника Верта – того самого, кто продолжал меня мучать своим словоблудием, – но тут увязался барон, и я счел неправильным оставить его одного. То, что барон – дурак, я и сам понял, но меня наняли, а деньги свои я собираюсь отработать как положено.

– Двойной, – мрачно добавил я.

Старик глянул на меня с наигранным уважительным удивлением:

– Не ожидал!

Две глупости дворянина за раз – это было слишком для моего терпения: самому пойти к разбойникам да еще нагрубить северянам, землякам того Робера, а может и вовсе не таким уж далеким его родичам. Никогда ни за что не грубите северянину, не смотрите на него косо, не переходите ему

дорогу, будьте предельно вежливы и уважительны – истины, известные даже ребенку, но никак не моему нанимателю.

Нас встретили на лесной тропе, где мы остановились, после того как Кевин дунул в охотничий рог. Их было, как и нас, пятеро: четверо мрачных разбойников и их ухмыляющийся рыжеволосый главарь.

– Сти-иви, какая встреча! – громко поприветствовал он.

– Приветствую, Робер, – спокойно ответил Новарт. – У тебя ровно десять минут, чтобы все твои люди покинули это место. Кевин проследит. Через час все вы должны быть в Коробе.

Было ощущение, что разбойник не слушал Новарта. Увидев барона, он уставился на него и не сводил глаз:

– Дичь идет к охотнику, я такого ни разу не видел.

Далее он внимательно осмотрел нашу делегацию, но тут вмешался Верт:

– Не получится, Робер, сам понимаешь. Удача и все такое, но вас лишь пятеро.

Рыжеволосый молчал еще секунд десять, после чего повернулся к Новарту:

– Дичь на блюдечке. Такого не ожидал даже от тебя, Сти-ви. А жаль, что не ожидал, как же жаль...

– Осталось девять минут, – снова заговорил командир.

Барону явно не нравились взгляды разбойников, но он по-малкивал. И правильно делал. Для полного счастья только

еще одной глупости не хватало.

– Знаешь, Стиви, раз уж ничего не вышло, я тебе сделаю подарок. Просто так. От чистого сердца, – ухмыльнулся рыжеволосый. – Ну и чтоб мне не так обидно было. А то мне не досталось, а другим достанется, не порядок. Правда, Стив?

– Я знаю, что есть еще засады.

Робер округлил глаза:

– Я ничего не понимаю, Стиви. Тебя ж зарежут и прикопают. Ты думаешь, все банды будут такие добрые, как я? Нет, Стив, я взял меньше людей, чтобы успеть раньше всех. Ты переиграл меня. Кто ж знал, что ты пятьдесят миль отмахал в обход? Молодец. Но вот там, – разбойник махнул рукой назад, – уже будут готовы не только к дичи, но и к твоему отряду.

– По-моему, уже восемь минут осталось, ага? – ввернул Верг.

– Идиоты, – Робер сплюнул, и разбойники ускакали назад.

6

– Ваша светлость, Робер сказал правду, – заговорил командир после отъезда разбойников. – Вперед продвинуться не сможем, нужно ехать объездной дорогой.

Но барон был упрям:

– Значит, с разбойниками вежливо да по имени? Их меньше вас, а вы в кусты? А мой приказ, значит, по боку? Едем прямо, я сказал, и ни с кем больше не церемониться!

На лице Новарта промелькнула явная досада, он покачал головой, взглянул на Верта и сказал:

– Только мягко, Верт. Предельно мягко.

Новарт кивнул – и кулак Верта врезался в висок барона.

От неожиданности я впал в секундный ступор, а Верт тем временем легко перекинул тело дворянина через его коня. Только тогда моя рука дернулась к эфесу. Верт поймал мой взгляд и без тени улыбки медленно сказал:

– Не глупи.

Я развернул коня и широким взмахом выставил меч в сторону. Северяне даже не шелохнулись.

– Серж, – спокойно обратился ко мне Новарт, – мы не причиним вреда его светлости. Даю слово. Впереди действительно засады. Там может быть до двухсот воинов. Нужно срочно ехать в обход, пока Робер не рассказал о нашем местоположении. Это, – Новарт кивнул на барона, – вынужденная ме-

ра. У нас просто нет времени. Клянусь не совершать больше подобных действий.

Мы простояли так секунд десять, а потом я медленно вложил меч в ножны.

Воинам барона Верг наплел что-то про солнечный удар. Нанимателя аккуратно положили в карету, а саму карету куда менее аккуратно погнали на запад, в горы. Верг чертыхался и проклинал тех, кто придумал кареты, строил кареты и ездит в каретах. Справедливости ради, карета действительно замедляла наш ход, а северяне явно торопились. Когда мы, наконец, добрались до горной долины, наша процессия развернулась к северу. На развилке Новарт скомандовал взять влево. Это озадачило Верга:

– Но грот же с правой стороны, командир.

Стивен лишь покачал головой:

– Там нас и будут ждать.

– Но слева негде укрыться, все просматривается.

– Есть там одна пещера, Верг, должны до ночи успеть.

Пещера действительно была. Когда дорога зашла за валун, Новарт уверенно показал на небольшое отверстие и северяне, вооружившись походными лопатами, стали расширять проход. В итоге в пещере разместили и людей, и лошадей. Лишь карета осталась снаружи. Хотя валун худо-бедно прикрывал ее и разбойники навряд ли смогли бы ее увидеть, северяне сняли на всякий случай с нее колеса, уменьшив размер кареты до минимума.

Вот тогда и очнулся барон. Затуманенным взором он

осмотрел пещеру. Некоторое время, видимо, соображал, где находится и что вообще происходит, а потом позвал меня. Мой рассказ его явно не обрадовал. Ни мною, ни тем более северянами он доволен не был и теперь решал, как ему быть.

Помимо глупости, барон, как я понял, отличался еще и трусостью. Теперь эти два благородных качества боролись в нем. Глупость требовала накричать на Новарта и попытаться уйти со своими воинами от северной охраны. Трусость же повелевала сидеть тихо. В качестве компромисса трусость милостиво позволила барону сделать важную, оскорбленную мину, которая и озарила в итоге лик моего нанимателя.

Новарт временами бросал взгляд в сторону барона, но, видя, что в отчаянной схватке двух возвышенных характеристик побеждает та, которая выгодна северянам, тревожить нанимателя не стал.

Ситуация была сложной. Я не понимал, каковы реальные планы батальона. Совершенно не знал и того, ждать ли нам ночного нападения разбойников. В итоге постарался расположиться на ночь как можно ближе к барону и притворился спящим.

Встать пришлось лишь под утро, когда почувствовал приближающиеся шаги. Открыв глаза, увидел подступающего к нам Новарта. На него с подозрением смотрел барон, которому, похоже, тоже не спалось.

– Ваша светлость, сейчас ожидается битва между бандами у грота напротив. Если желаете, можете взглянуть.

Барон задумался, потом осмотрел пещеру. Из личных его воинов бодрствовал лишь один. Но, как ни странно, он кивнул не ему, а мне. У входа мы разделились: Новарт с дворянином заняли позицию слева от валуна, я же присоединился к Верту справа. Я было дернулся идти с нанимателем, но командир северян пояснил, что на троих нигде места нет, и барон нехотя кивнул.

– Держи, дружище, – Верт передал мне подзорную трубу и негромким голосом, который доносился, наверное, и до барона с Новартом, стал рассказывать: – Пока ты там дрых, тут такие дела творятся. Вон, смотри. Да не туда, а вон туда. Узнаешь? Ага, тот самый Робер. А рядом еще одна банда.

Со стороны барона голосов не раздавалось. Видно, Новарт решил уступить роль гида Верту.

– Я ж тебе говорил: Стиви свое дело знает. Мы должны были остановиться именно там. В том гроте. А теперь видишь: Робер и свою банду пригнал, и другую, и еще горючую смесь раздобыл. Да вон же в бочке, не видишь, что ли? Вот сейчас им сюрприз будет.

Разбойники аккуратно ползком во тьме стали заглядывать в грот. Ничего не увидев, они встали на ноги и с факелами вошли внутрь. Выйдя наружу, они некоторое время просто стояли, а потом, видно, стали пререкаться друг с другом.

– Вот и разборки, – с удовольствием прокомментировал Верт. – На кого ставишь: на Робера или тех волосатиков?

Робер был в меньшинстве. Вероятно, надеялся на долю за

наводку и не беспокоился о численности.

– Небось, на волосатиков, верно? Ну что молчишь? Ну скажи.

– Ну да, они ж в большинстве.

Разбойники, чьи волосы свисали ниже плеч, постепенно окружали людей Робера. До нас крики не доносились, но было видно: дойдет до драки, а то и вовсе до резни.

– Вот ты и проиграл, – усмехнулся Верт. – Поверни-ка свою трубку влево. Ага. И вот ровно на севере увидишь кое-что интересное.

Тут до меня дошло. Долину обложили с обеих сторон. С юга две банды привел Робер, а с севера нас ждал кто-то поумнее. И эти умные негодяи сейчас наблюдают за Робером. Но вот понимают ли они, что он – это не мы?

– А еще, – самодовольно продолжал Верт, – они направили пятерку лучников, которые теперь ждут команды.

Неожиданно с северной стороны вспыхнул столп огня.

– Началось! – с восторгом заявил Верт. – Трубку на грот, быстрее!

Я повернул подзорную трубу и успел: действительно началось. Бочка с горючим вспыхнула, и огонь рванул во все стороны. Страшное зрелище, я даже закрыл глаза. На такое не хотелось смотреть, а Верт с упоением продолжал:

– Вот это представление, а?! Фиу и бах! Бах-бах-бах! Но продолжение впереди. И оцени, парень, мы – зрители, а не участники! А кому спасибо должен ты сказать, а? Не слышу.

Спасибо я никому говорить не собирался. Меня начало мутить. Остальное запомнилось смутно: восторженный Верт, быстрое приближение северных умников и засада на них со стороны чудом уцелевшего Робера. Трупы, трупы, трупы. Мне было совершенно не интересно, кто в итоге победит, Верт же тем временем продолжал со смехом комментировать:

– А ведь это все Стиви! Оцени, парень. Добрый Стиви, не проливший ни капли крови, – и такая кровавая баня. Бойся Стиви, – Верт стал давиться смешками, – если выйдет он против всей имперской армии, беги, парень. Потому что выйдет Стиви, скажет: «Друзья мои!» – и вы все перережете друг друга.

Смех Верта перешел на истерический, и тогда слева раздался резкий оклик:

– Верт!

Десятник буквально подавился. Он стал тяжело дышать, а спустя секунд десять проговорил:

– Извини, командир.

Первую половину дня я отсыпался, а потом объявили быстрый сбор. Моим соседом по дороге снова оказался Верт. Он был непривычно хмур. Я не удержался и спросил, о чем тот задумался. Сначала он лишь мельком глянул на меня и лишь спустя пару минут, когда я уж и забыл о нем, заговорил:

– Да вот думаю, как бы я поступил на месте Стиви, – медленно произнес десятник и после паузы продолжил: – Я б, конечно, вас поближе к границе встречал, а не в такую глушь ехал. А это значит: барон – труп, – Верт поежился, немного помолчал и снова заговорил: – Ну ладно, допустим, меня б одолели подозрения, и я б дошел аж до Сарепты. Но я пошел бы напрямиком, а не в обход. Результат? Не только б барона прикопали, но еще меня в пути, – Верт снова сделал паузу. – Ладно, допустим, я каким-то чудом взял да пошел в обход. Тут я, конечно, с бароном церемониться б не стал: тушку его через коня перекинуть и вперед, карету – в овраг, охрану, если та не поймет что к чему, порезать... Прости, парень, правда жизни такая. Так вот, поехали бы мы потом в объезд, а толку-то?..

Мне стало не по себе. И не только от того, как спокойно рассуждает десятник о моем убийстве. Страшно было то, что Верт прав: моя жизнь должна была окончиться чуть ли не сразу после выезда из Сарепты. И это просто чудо – и не одно

чудо, а много-много чудес, – что я до сих пор жив. Как-то иначе мне представлялась наемная служба...

– ...Да еще дозорного заранее у севера долины оставил, чтоб сигнал дал, – мрачно продолжал Верт. – Как до этого всего додумался Стиви? Ты мне скажи: как? Как?

Последнее слово он прокричал. На нас стали оглядываться другие солдаты, а Верт, как прежде, молчаливо и хмуро устоялся вперед.

Нас встретили на подходе к столице северного баронства. Небольшой пограничный отряд быстро пропустил нас – и вот мы уже по ту сторону крепостной стены. Странное чувство – оказаться там, где имперские воины если и бывают, то лишь как пленные.

Барон Булл Новарт – да, Стивен оказался сыном местного начальника – не стал встречаться с нашим нанимателем сразу, а отложил все на вторую половину следующего дня. Лафорт возражать не стал. Вот на этой встрече я теперь и находился, стоя за спиной нанимателя с еще одним воином.

– ...Завтра сможете выехать. Выделю усиленный отряд, чтоб больше не было неожиданностей, – мощным басом вещал Новарт-старший.

– Мне бы хотелось, чтобы во главе был Стивен, – вклинился Лафорт.

Местный барон коротко мотнул головой:

– Он мне нужен здесь. Те, что на вас напали... хотели напасть, сегодня стали поступать в наши лазареты да кладбища, – Булл усмехнулся. – В ближайшие дни подъедут их сюзерены, будем с ними разбираться. Займет неделю, пока Стивен освободится.

– Я готов подождать.

– Стивен произвел такое впечатление? – похоже, Новарт-

ту-старшему было приятно слышать хорошее о сыне.

– Он справился в сложной ситуации, – осторожно сказал Лафорт.

Ага, а еще он заверил, что больше не будет бить тебя кулаком в висок. Зато другие северные командиры такого не обещали. Тут не то что неделю, месяц подождешь.

– Хорошо, пусть будет так, – отец Стивена кивнул и встал, заканчивая встречу.

10

Мы покидали северную крепость уже в ином составе. К нам прибавился отряд из десятка человек, подчиненных Новарту. Кроме кинжалов, никакого оружия у них не было, и я не понимал, что это за люди, воины они или нет. Процессию дополнял также большой таран, из-за которого продвижение существенно замедлилось. На его фоне даже карета казалась быстроходной машиной.

Неторопливость, видно, настроила Верта на философский лад, и он, привычно поравнявшись со мной, негромко затянул незнакомую песню:

*Солнце закрылось за темными тучами,
Мраком укрылась от неба земля,
Завтра раскроется мертвыми кучами,
Скатерть накроет для грифов она –
Война, война, война, война.*

*Здравствуй, родимая, долго не виделась,
Дай-ка налью тебе в кубок вина,
Миру с любовью не будет обители,
Люди хлебнут с нами лиха сполна,
Война, война, война, война!*

Смерть, мародерство, кровь и насилие

*Щедры прольются, не будет им дна.
Вдов да сиротушек болью осилим мы,
Ими пополнится наша казна,
Война, война, война, война!*

*Выиграем мы – и напишем историю:
Зло оправдаем, добро очерним,
Будем с тобою отныне героями,
Лик наш украсит на зависть святым
Нимб, нимб, нимб, нимб.*

– Война – это грязь, – уверенно заявил Верт, и я невольно вздрогнул от неожиданного обращения ко мне. – Убийства, насилие, мародерство, болезни, страх – вот что такое война. Я этого повидал по самое горлышко. Если видишь вояк, гордящихся своим опытом, знай: это мерзавцы. Бренчат своими железками на груди, кичатся какой-то ерундой. Мы, мол, хорошие, а враги – злодеи. А ведь выиграй «враги» – и все бы поменялось. Эти идиоты стали бы злодеями, а «враги» бренчали б орденами.

Я уж и забыл, как мне надоели нотации Верта. Казалось, он специально подбирал темы, которые задевали меня, хотел вызвать во мне эмоции и насладиться ими. Так обычно подростки невольно выбирают своей жертвой ранимого сверстника, получая какое-то странное удовольствие от его неадекватной, на их взгляд, реакции. Вот уж не думал, что и мне придется стать таким подопытным. Неужто я настолько

раним? Я мельком глянул на пару северян слева от меня и мрачно подумал, что на их фоне я, похоже, действительно, эмоциональный, ранимый юноша.

– А ты, парень, совсем меня не слушаешь, – оторвал меня от раздумий Верт. – А ведь я тут тебе такую правду говорю, которую ты в своей империи ни от кого не услышишь.

Мне пришлось изобразить на лице удивление, и Верт удовлетворенно пояснил:

– Да-да, вот у вас там все восхищаются мясорубкой, которую по недоразумению Священной войной зовут. Вот, мол, наши предки такие-растакие, а враги у них были такие-сякие. И старики важно рассказывают о своих геройствах. Ведь так, парень?

– Я в курсе о Священной войне, – ответил я, стараясь не вдаваться в подробности.

– И прекрасно, что в курсе. Только вот курс он разный бывает. Бывает такой, как в империи, а бывает правдивый.

– И у вас он, конечно, правдивый? – не удержался я. Вот сам же не хотел роли ранимого юнца и сам же не могу сдержаться.

– Конечно. Северяне, как ты знаешь, были тогда наемниками, и, что творили имперцы, они видели собственными глазами. У нас не принято лгать. Коль человек – свинья, так он прямо и скажет: да, убивал, насильничал и все такое прочее. А вот у имперцев иначе. Мне ветераны рассказывали о «геройствах» ваших вояк. Те сейчас говорят, что они были

добровольцами, однако их призвали насильно. Они говорят о храбрости, но были трусами, которые без спирта и шага вперед сделать не могли. Они говорят о благородстве, а сами насиловали девушек направо и налево. Когда они «освобождали» город, семьи прятали своих молодых как могли, но мерзавцам все было нипочем: никто ведь не расскажет, а на родине можно сказать о благородстве, ага?

– Вы это к чему? – стараясь говорить спокойно, спросил я.

– К тому, парень, что вы в империи живете во лжи. Вот что у вас говорят о том, что до войны вы с королевством два года были союзниками, а? Вы ж захватывали с ними чужие земли, нарушая все возможные законы, плюнув на все договоренности, выкручивали руки слабым, казни, аресты, ссылки и все такое, а?

– Вы о чем?

– Ты не знаешь? Серьезно не знаешь? Ха! То есть империя просто стерла все это? Вот это они молодцы!

– Верт, вы, наверное, понимаете, что у нас несколько иной взгляд на прошлое, – постарался максимально дипломатично, чтобы не сорваться, ответить я. – Давайте закончим на этом. Есть темы, на которые мне бы не хотелось говорить. Это дело прошлых лет.

– Прошлых, говоришь? А почему ж тогда парады каждый год у вас проводятся? Вот, мол, мы какие. Да у вас война – это религия. Чуть ли не каждый день – годовщина какой-то вашей резни: пятьсот лет назад порезали тех, триста – тех,

семьдесят пять – вон тех, а вот тут промашка вышла, нас порезали, поэтому скорбим, ах ироды наши враги окаянные. Ваша империя только и делает, что воюет. Всем несет «добро» железными руками.

– Странно слышать такое от северянина. Хотите сказать, у вас на Севере все мирные да добрые? – я начал закипать. Все-таки Верт вывел меня из себя.

– Не мирные и не добрые, но у нас не лгут. Свинью принято называть свиньей, а не белым пушистым лебедем.

– То есть все для вас – свиньи. Даже северяне – и те, оказывается, свиньи. Но вы лично, значит, белый и пушистый.

Все же я не сдержался в своих словах, и это доставило Верту удовольствие. Он рассмеялся и ответил:

– Нет, парень. Я свинья. Убийца, насильник, мародер. Все это обо мне. Но я не лицемер.

– Если признаете себя таковым, то что ж не меняетесь? – глухо поинтересовался я.

– А вот знаешь, когда я был твоего возраста, ну может чуть постарше, оглянулся тогда на себя и подумал: Верт, ты чего такой весь неблагородный? И я даже стал немножко меняться, пока не понял простую истину: живешь со свиньями – будь свиньей!

– Это вы серьезно? – если раньше я думал, что десятник говорит, как думает, то теперь засомневался: может, весь этот разговор – его дурная шутка?

– Не шучу.

– То есть вот живете вы с такими, как Новарт, и вынуждены быть свиньей? – мне невольно хотелось задеть Верта словами, упомянув командира, которого тот сам же хвалил.

– Новарт... – задумчиво произнес он. – Большинство Новартов мало чем отличаются от меня. Если ж ты о Стивене... что ж, считай его лебедем. Но вот только его случай лишь подтверждает, что так нельзя. Вот смотри, парень: Стиви родился, считай, с золотой ложкой во рту. Сын барона. Старший сын. Наследный. Еще и не дурак: поумнее меня, наверное. К тому же образован: институты там всякие заканчивал. Силой особой, может, не отличается, но ловок – этого не отнять. Отрядом умеет управлять. В общем, прям, идеал, верно? Да вот только его и в грош на Севере не ставят. Даже придурок Робер пытается на него сверху вниз смотреть. А вот будь Стивен свиньей, быть ему легендой Севера. Вот возьми он тогда свой меч да отруби головушку Роберу, тогда б его зауважали. Потому что вокруг не благородные лебеди, а грязные свиньи, парень. Не понимают они по-лебединому. Для них лебедь – мохнатая гадина с кривой шеей.

– Сти-иви! Кто к нам пришел! – раздался язвительный голос со стороны охранного поста.

Мы стояли у гарнизона Горного виконтства, за которым находился Перешеек – последнее препятствие на пути к Оазису, нашему конечному пункту назначения. Маленькое княжество так боялось своих грозных соседей, что отгородилось от них крепостными стенами у всех доступных выходов из гор. Мы как раз находились у одних из них.

– Откройте ворота, страж, – спокойно произнес Новарт.

– Ворота, говоришь? Дай-ка подумать. Знаешь, тут что-то заклинило. Погоди-ка тут неделку-другую, авось починим.

Со стороны охранного поста раздался смех.

– Это нарушение договора.

– Договора, говоришь? А там этот, как его, форс-мажор – во! – прописан был. Так что, Стиви, никак не получится.

– Эй, придурок! – громко крикнул Верт. – Ты что, головой ударился? Ничего, у старины Верта волшебный меч имеется – мигом от головной боли тебя избавит.

Воин пригляделся и, похоже, узнал десятника.

– Все равно не открою, – хмуро буркнул он.

– Да ты, парень, глаза разуй, – ответил ему Верт. – Помимо волшебного меча, мы еще и волшебный ключ привезли, вон там, видишь, стоит. Таран зовется.

Только тут до меня дошло, зачем мы так долго тащили сюда этот медленный таран. Страж присмотрелся и, похоже, проникся угрозой:

– В-вы н-не посмеете, – с легким заиканием произнес он. Никогда не видел, чтобы с человека так быстро сбивали спесь.

– Вас никто не тронет, воин, – вмешался Новарт, быстро поняв причину страха, – если откроете ворота за пять минут.

На некоторое время повисло молчание, затем страж спросил:

– Слово?

– Слово.

На poste нас проверили на наличие луков и арбалетов, которые, оказывается, запрещено здесь иметь всем иностранцам. После досмотра мы могли спокойно ехать дальше, однако Верту такой вариант был явно не по душе:

– Командир, я убью ровно одного человека, ровно одного.

– Нет, – тихо ответил Новарт, и Верт нехотя отошел.

Рядом стояли несколько тех северян, что присоединились к нам недавно. Один из них прокомментировал:

– Дурно командир поступил, не по-северному.

Верт уже на середине фразы развернулся и, резко приблизившись к солдату, сильно ударил его в лицо.

– Щ-щенок! – прорычал десятник.

Голова воина мотнулась в сторону, он еле удержался на ногах.

– Верт! – крикнул Новарт и очень вовремя – кулак десятника замер в считанных сантиметрах от лица противника.

– Я защищал вашу честь, командир!

Новарт только покачал головой, и Верт сник:

– Понял. Глупость сказал. Извини, командир.

Воин ошалело помотал головой и сплюнул кровью. Вместе с ней, как мне показалось, выпал зуб. Тем временем к нему обратился Новарт:

– Дарт, действия командующего обсуждаются лишь с его

разрешения. На первый раз – просто предупреждение, на второй наем будет расторгнут, после этого в нашем баронстве воином тебе не быть.

Мы отъехали от охранного поста километра на три, когда Новарт отдал новый приказ, смысл которого я понял не сразу. Солдаты приблизились к тарану и... разобрали его. Таран оказался пустышкой. Внутри были длинные луки и стрелы.

– Что, удивлен? – я обернулся и увидел Кевина, впервые на моей памяти улыбающегося. – Вот так-то!

Десяток недавно присоединившихся воинов быстро вооружился, и мы проследовали дальше.

Узкая долина словно была создана для засад лучников. Отсутствие дальнобойного оружия не давало ни единого шанса даже северным солдатам против стрелков, которые, как выяснилось, и поджидали нас: дозорные дали знак, и мы начали занимать позиции в соответствии с приказами Новарта. Наши лучники, не торопясь, нашли себе цели и дали первый залп. Послышался вскрик, и Новарт поморщился:

– Сказал же: мимо.

Один из стрелков виновато пожал плечами: мол, не хотел, вышло так. А с той стороны так и не последовало ни единого выстрела – луки противников оказались рассчитаны на меньшие расстояния! Северяне и тут предусмотрели все – две белых тряпки развевались с обоих окружавших нас склонов.

Мы неторопливо следовали по долине – таран, пусть и пустой, все равно замедлял наш ход. Я вдыхал горный воздух и думал, что наконец-то первая и ключевая половина пути будет пройдена. Осталось лишь прибыть в Оазис – графство, которое, несмотря на свое северное расположение, славилось теплом. Говорят, его омывают теплые воды океана, оттого на Дальнем Севере и расцвело цивилизованное место с мягкими нравами, отделенное от свирепых северных баронств Перешейком, по которому мы, собственно, и ехали.

Позади выезд из Сарепты, встреча с разбойниками, ночевка в пещере, неделя в крепости, въезд в Перешеек. Позади и бой с лучниками – самый нелепый бой, который только можно представить: один залп, попадание в ногу одному из противников, белые флаги. Новарт тогда о чем-то посоветовался с моим нанимателем, и в итоге «врагов», если их можно так назвать, после дознания просто отпустили, раненого даже подлечили.

Теперь барон с северным командиром ехали впереди меня, о чем-то переговариваясь, а я размышлял обо всем случившемся со мной за последнее время.

Неожиданно рядом мелькнула тень, я повернулся – и увидел справа Верта. Тот, подмигнув мне, твердой рукой схватил за узду моего коня и уверенно прибавил ход – мы при-

близились к барону и Новарту. Я с непониманием посмотрел на десятника, а тот, хитро улыбаясь, лишь приставил палец к губам.

– ...Вы были правы, Стивен, а я – нет, – донесся голос нанимателя.

– Простите, ваша светлость, мои действия. Это был абсолютно неприемлемый ход с моей стороны...

– Нет-нет, Стивен, виноват я. Возвращаюсь все к тому моменту и понимаю, что обидно, но виноват все же я...

– Ого, – прошептал рядом Верт, – а мой кулак-то волшебный: мозги, оказывается, вправляет. А я, дурак, мечом все махал.

– ...Мне нужен ваш совет, – продолжал тем временем Лафорт. – Для начала: вы догадываетесь, кто я?

– Полагаю, мне следует называть вас вашим высочеством.

– Откуда? – удивленно произнес наниматель.

– Цельный принц! – не менее удивленно прошептал Верт. – Черт побери, принцев я еще никогда не убивал.

Из-за последних его слов я недоуменно посмотрел на десятника, но тот, похоже, полностью сосредоточился на беседе, ничего не замечая вокруг.

– Во-первых, сам наем был необычным. Бывает, дворяне желают проехать в северные баронства, но добираться до Оазиса почти все предпочитают морем. Сухопутную поездку может выбрать разве что император, который должен показать: это его территория. Есть, конечно, вариант с дворяни-

ном, страдающим морской болезнью...

– Достаточно. Я верю вам.

– Вот дурак! – пробурчал Верт. – Сильней мне нужно было его бить: глядишь, молчал бы, когда умные говорят.

– Я оказался в трудном положении, Стивен. Отец... выбирает наследника. Старшего брата он направил на мятежный остров. Брат одержал победу, но отец был недоволен. Оказывается, он надеялся, что тот сможет решить все мирно, а брат поступил... несколько кровожадно, да и войск потерял немало. Реджи, другого моего брата, отец тоже проверил. Подробности не знаю, но Реджи я с тех пор не видел. Теперь вот мой черед. Он направил меня решить проблему Севера, договориться с Оазисом...

– Елки-палки, не думал, что принцы такие кретины! – шепотом возмутился Верт. – Говорить северянину, что с Севером решили разобраться! Это мы сейчас с тобой разберемся, debil.

Я подумал, что с меня хватит. И бесед, которых мне явно не положено слушать, и Верта с его дурными замашками. Я остановился, но десятник мгновенно среагировал, снова взяв коня за узду и уверенно потянув его вперед. Мне он лишь хмуро покачал головой. Пока я думал, как лучше поступить, разговор продолжался:

– ...и после всех этих засад я даже не знаю, что думать. Вышел на легкую прогулку, а получилось, что меня чуть не убили. Стивен, вы разумный человек, поэтому я не прочь

был бы услышать вашу оценку.

– Ваше высочество...

– Называйте меня Луис, – неожиданно поправил принц.

– Черт побери, Стиви, я начинаю тебя бояться, – прошептал Верт. – За всю жизнь только отца боялся, а теперь еще и тебя.

– ...Луис, боюсь, что за засадами стоит как раз Оазис, – донесся до меня конец фразы Новарта.

– Но ведь я же сам еду к ним?

– Прежде чем продолжить, если позволите, решу один момент.

Принц кивнул, и Новарт неожиданно развернул коня:

– Верт, Серж, вам нужно дать клятву о неразглашении.

Я почувствовал себя ребенком, которого поймали на постыдном поступке. Уши начали гореть. Но Верт, похоже, никакой вины за собой не чувствовал:

– Командир, интересы Севера прежде всего, а это, уж простите, выходит за рамки.

– Если для Сержа мои слова лишь просьба – я не командую им, – то для тебя, Верт, это приказ.

Десятник недовольно замер, уставившись на Новарта, и лишь секунд через десять прошипел:

– Клянусь высшим из сущего...

Массивные ворота на выезде из Перешейка были открыты настежь. Похоже, виконтство вполне ладит с Оазисом. Вся наша процессия постепенно проходила мимо скользящего стражника, пока нас не осталось трое. Тут страж встрепенулся:

– Ого! Кого я вижу! Кровавый Верт! Славный конец карьеры вышел, не так ли?

– Заткни свою пасть, – хмуро ответил ему десятник.

– Да ладно тебе, ты ж теперь собачонка при Стиви, кого ты тронешь?

Верт остановился, повернулся к стражу и сделал плавный шаг в его сторону.

– Эй, здесь тебе не Север! – стражник осторожно отступил, хватаясь за эфес.

– Север там, где я, – ответил Верт, делая еще один плавный шаг. Его рука потянулась к мечу.

– Верт! – окликнул его Новарт.

Десятник медленно повернул лицо к своему командиру, но тот уже отвернулся, посчитав, что дальнейшие указания не требуются. Верт резко, но бесшумно вынул меч. Страж замер, однако десятника интересовал не он. Плавными, но быстрыми движениями Верт преодолел пять метров, отделявших его от Новарта, и наискось рубанул мечом, засви-

стевшим в воздухе.

Новарт успел упасть на землю. Верт рубанул еще, но командир, перекатившись, подставил под удар свой меч. Еще удар – Новарт парирует и его, поднявшись на колени. Еще – сын северного барона встречает его в полный рост.

Верт замер. Новарт на какой-то момент тоже, а потом медленно вложил меч в ножны. Он внимательно посмотрел на своего подчиненного и сказал:

– Ты Верт Кровавый, легенда Севера. А этого всего, считай, не было. Верт, легенда Севера. А этого, считай, не было. Легенда Севера.

– Легенда Севера, – медленно повторил десятник.

Новарт кивнул и повернулся ко мне:

– Ты же ничего, считай, не видел, Серж?

Верт посмотрел на меня, и я аккуратно покачал головой.

– И ты, страж, тоже?

Тот с испугом и шоком на лице – интересно, я так же выгляжу? – тоже покачал головой:

– Клянусь высшим из сущего, – для верности добавил он.

Я ехал в легкой прострации, раз за разом прокручивая в голове увиденный бой. Это была не медленная дуэль с паузами, игрой на публику, а считанные секунды сумасшедшей мощи и запредельной реакции. «...но ловок – этого не отнять», – невольно вспомнились слова Верта. Да, теперь я знаю, что такое ловкость.

Ни у отца, ни даже у мастеров-мечников, которых я знал, не было ни единого шанса ни против Верта, ни против Новарта. Конечно, шокировал и сам факт стычки между ними, но все застилало впечатление о собственной никчемности. Хотел быть наемником? Вот, получи: встретишь таких людей – и успеешь досчитать только до одного.

Вдруг кто-то поравнялся со мной. Я повернулся, ожидая увидеть Верта, однако это был Стивен Новарт. Перехватив мой удивленный взгляд, он произнес:

– Серж, я должен предупредить вас: Верт безумен, – Новарт задумчиво повернул лицо в сторону дороги и продолжил: – Возможно, вы знаете: на Севере Кровавым прозывают того, кто собственноручно убил не менее ста человек. В каждом поколении такие люди – редкость, и сейчас в живых только один – Верт. Может, убийства как-то на людей действуют, может, те сами предрасположены к этому, но многие из Кровавых к концу жизни были опасны даже для друзей и

родственников.

Новарт сделал паузу и затем продолжил:

– Два месяца назад Верт убил двоих. Любого другого на его месте казнили б, но он легенда, его в наказание просто сделали подчиненным неопытного командира в маленьком отряде... Две недели назад он стал меняться, как перед тем двойным убийством: сначала стал чрезмерно активным, потом – агрессивным, а в итоге то, что видели. Вроде этот пик, если так можно выразиться, прошел, но я боюсь, что вас он будет считать свидетелем позора, а такое он не прощал и в нормальном состоянии. Поэтому, Серж, будьте осторожны.

Я не знал, что сказать в ответ, поэтому просто молчал. Спустя минуту Новарт обратился ко мне:

– Серж, не хотите поработать у нас? Сейчас не хватает воинов, нужны новые люди, оплата не меньше той, что получаете вы в настоящее время.

Я удивленно посмотрел на Новарта:

– Вы же понимаете, что я и близко не сравнюсь ни с кем из северян. Почему я?

Командир батальона улыбнулся:

– Во-первых, это наживное. Года через три станете настоящим воином Севера. Во-вторых, навыки боя один на один слабо востребованы в отряде – каждый задействован со своей сильной стороны. В-третьих, вы умны, у вас есть понятие чести, а это редкие качества на Севере – уже через два года можете стать десятником, а затем и командиром своего от-

ряды. И наконец, нам сейчас очень нужны люди. Намечается локальная война, каждый наемник будет на вес золота.

Я словно оказался в сказке. Моя детская мечта – стать грозным воином Севера – мне поднесена на блюдечке. Интересные перспективы, хороший командир, что еще нужно? И все же...

– Вы знаете, я, когда шел сюда, наверное, не понимал, что значит быть воином. Боюсь, не мое это, хочется иного.

– А какой путь вы видите своим?

– Хочу стать торговцем. Есть одна идея, чем торговать. И вот, думаю: поеду в университет, поучусь год, а потом займусь этим. Как закончится наем, денег как раз на все должно хватить.

Новарт кивнул:

– Торговое ремесло куда лучше военного: война – грязное дело. Могу только пожелать вам успеха. Если позволите непрошенный совет, в вашем случае Восточный университет, вероятно, лучше Имперского.

– Почему? – удивленно спросил я. Собирался-то поступать я как раз в столицу.

– В Имперском вас просто зачислят на первый курс – и вы получите лишь отрывочные сведения, рассчитанные на то, что проучитесь еще несколько лет. Восточный же подберет обучение ровно под вас: хотите год – будет год. В итоге цельное, хорошее понимание предмета. К тому же Восточный свободнее по нравам – будет легче. Ученые тоже выби-

рают свободу и тянутся туда. Как ни странно, там больше науки, чем в столице.

Я посмотрел на Новарта совершенно другими глазами. «...институты там всякие заканчивал», – вспомнилась фраза Верта, на которую я тогда не обратил внимание. И я решился на вопрос, который меня интересовал и прежде:

– А почему вы выбрали быть воином?

Мой собеседник на миг задумался и ответил:

– Иной раз смысл подталкивает к не совсем логичным поступкам, которые в итоге приносят результат.

– А в чем смысл? – спросил я, и Новарт, помолчав секунд пять, тихо ответил:

– Нет бога, кроме Бога.

Все-таки Новарт странный парень.

II. Дюжина уроков студента

1

Я сидел в приемном зале Восточного университета перед ректором и деканами четырех факультетов.

– Купеческое дело за один год? – задумчиво произнес глава торгового факультета. – Что ж, счетоводство тогда отмечаем, его проходят три года, да не так уж оно и нужно, если честно: здравого смысла часто вполне достаточно, а на остальное, коль торговля разрастется, просто наймете специалиста.

Декан кивнул своим мыслям и продолжил:

– Экономическую теорию, пожалуй, включим, но только самое начало: первый курс или даже его половину, остальное уже не так важно. Так... теперь реклама, сбыт и все такое прочее. К сожалению, не успеем. Тут я бы порекомендовал самостоятельно почитать учебники. Ну и, к счастью для вас, основы всего этого включены в «Лавку на практике», главный предмет четвертого курса. Собственно, на последнем курсе студенты уже организуют свое дело под контролем преподавателя. Даже если у вас нет идей о собственной лавке, станете чьим-нибудь младшим партнером, это нормально.

Декан задумчиво постучал пером по столу и добавил:

– Вот, собственно, и все, как ни странно. Торговля все же не астрономия какая-нибудь. Хватит и этого. Итак: первый год экономической теории, «Лавка на практике» и самостоятельное чтение учебников по рекламе и сбыту.

– Господин Норин, – обратился к декану ректор, – сколько предметов можно вместить в оставшуюся часть программы?

– Один или два коротких. Я бы рекомендовал один. «Лавка на практике» нередко вообще все время занимает, это ж свое дело, работа фактически. Может, из-за этого даже экономтеорию до полугода стоит в итоге сократить.

– Хорошо. Серж, вы согласны с выбором господина Норина? Если у вас есть собственные идеи, скажите: окончательный выбор только за вами, мы можем лишь предлагать.

– Нет, я доверяю вашему выбору.

Ректор кивнул:

– Теперь ваше мнение, господин Сорг. Один короткий предмет с военного факультета?

– Нет, – с легкой ухмылкой ответил глава военных.

– Можете пояснить? И молодому человеку, и нам, думаю, полезно было бы услышать логику ваших умозаключений.

– Да вы на его комплекцию гляньте. У меня не каждый выпускник такой... мускулистый. Оружием владеешь?

– Мечом немного.

Воин хмыкнул:

– Будешь самым мощным торговцем во всей империи.

Может, айда к нам? Сдалась тебе эта торговля.

– Прошу прощения, но я уже сделал выбор, – вежливо ответил я.

– Хорошо, – подытожил ректор. – Что скажет факультет врачей?

– Боюсь, что тоже нечего предложить, – ответил седовласый толстячок. – Торговцу обычно проще нанять врача, чем стать ему заменой.

– Научный факультет? – обратился ректор к последнему декану.

– Тут подойдут два коротких предмета, – неспешно сказал господин Крегус, если я правильно запомнил его фамилию. – Оба, правда, несколько экспериментального характера: «Смысл жизни» и «Суть математики». Поскольку требуется лишь один предмет, то, господин Лерв, выбирать вам.

– А можно поподробнее о них? – попросил я.

– В «Смысле жизни» будут рассмотрены различные взгляды на то, зачем вообще жить, в чем цель жизни. При этом преподаватель не будет отстаивать какую-то одну точку зрения, то есть не будет покушаться на личный выбор человека. Он постарается как можно более отстраненно рассмотреть все взгляды, рассказав об их зарождении, доводах и так далее. Что касается «Сутей математики», фактически здесь говорится о сути науки. Часто люди изучают предметы, в том числе экономическую теорию, «зубря» их, – каждая наука кажется полубессмысленным набором разрозненных фак-

тов. Наш же предмет старается раскрыть перед студентом красоту и смысл знаний. Мне кажется, изучив предмет, человек смотрит на мир совершенно иначе.

– Тогда, пожалуй, «Суть математики», – после паузы ответил я.

Это вызвало улыбку ректора:

– Господин Крегус, никого не интересует смысл жизни?

– Увы, – развел тот руками.

– С другой стороны, в молодом возрасте разве кто интересуется смыслом жизни? – смягчил свои слова ректор.

– Как раз в молодом возрасте о нем и задумываются. Потом же все упорно роют свои жизненные траншеи, считая, что усталость, грязь да тьма – это и есть жизнь, а для формального ответа о смысле ограничиваются «мнением всех ученых», убеждениями предков и прочей ерундой, – печально ответил декан.

– Если вы считаете... – попытался вклиниться я.

– Нет-нет, – поднял ладони декан. – Выбор только за вами. Это ваш выбор и ничей иной.

2

Первым уроком была «Экономическая теория». Подвижный лектор с энтузиазмом говорил:

– С чего, казалось бы, стоит начать первую лекцию о предмете? С его определения, с того, что вообще такое экономическая наука. Но давайте отложим данный момент на недельку-другую и просто поговорим о том, с какими базовыми фактами сталкиваются экономисты. Таких фактов два: безграничность потребностей и ограниченность ресурсов.

Преподаватель обвел аудиторию взглядом и продолжил:

– Итак, первое – безграничность потребностей. Человек – интересное существо. Ему всегда всего мало. Дайте ему десяток золотых, он захочет сотню. Дайте сотню – захочет тысячу. Дайте тысячу – захочет десять тысяч. И так далее до бесконечности.

– А мне б десяти тысяч хватило, – послышался тихий голос с последней парты.

– Представьте, молодой человек, – как оказалось, лектор тоже услышал студента.

– Джон Голд.

– Голд, – улыбнулся преподаватель, – говорящая фамилия. Что ж, господин Голд, давайте заключим пари: когда – и я думаю, что именно когда, а не если – у вас появится десять тысяч золотых, мы с вами встретимся еще раз и вспомним

ваши нынешние слова.

Джон пожал плечами: мол, не против, чтобы так все вышло.

– А для остальных поясню, – продолжил лектор. – За свою жизнь я видел немало людей, которые говорили о скромности собственных потребностей, но вот, проходило время – и тот, кто прежде рад был бы просто есть досыта, рассказывал, что ему не хватает денег на двухэтажный дом. Кто мечтал о паре золотых в месяц, десять лет спустя вздыхал в собственном роскошном саду, что не быть ему бароном. Да, этот принцип затрагивает не только деньги, но и остальные активы, включая баронский титул, хорошую семью, детей, звание и... власть. Да, власть. Например, империю иногда сравнивают с газом. Если твердое тело просто лежит себе в ограниченном своем пространстве и ни на что не покушается, если жидкость хоть и кочует с места на место, но занимает всегда одинаковый объем, то с газом все обстоит иначе: он расширяется практически бесконечно. Например, воздух в этой комнате вполне мог бы уместиться в небольшую коробочку, но он занимает все, до чего может дотянуться. Не четверть комнаты, не полкомнаты, ему нужно все. Так и с империей: она занимает весь объем, не обращая внимания на такие глупости, как границы, договоры, обещания. Как и в случае с воздухом, который способна остановить лишь твердая стена, империю остановят лишь крепостные стены с огромным войском. Человек – удивительно жадное суще-

ство. Даже не так: не просто удивительно, а бесконечно жадное. Таков первый факт – бесконечность потребностей. Вопросы есть?

Аудитория ответила ему молчанием.

– Вопросов нет, продолжаем. Второй факт – ограниченность ресурсов. Казалось бы, очень хочется... – лектор посмотрел на пухлого паренька и добавил: – вкусно поесть... – перевел взгляд на единственную в классе девушку: – поболтать, обзавестись семьей... – взглянул на меня: – помахать мечом. В общем, столько у нас бесконечных потребностей, но...

Преподаватель вернулся взглядом к толстячку:

– Императорская и даже графская еда слишком дорога, приходится лакомиться чем-нибудь попроще. – Лектор посмотрел на девушку: – Ограниченное время не дает развернуться разговору, а ограниченный выбор из возможных вторых половинок приводит к тому, что жених не царских кровей, не столь красив и богат, каким рисовали его мечты. – Наконец преподаватель обратил свой взгляд ко мне: – Каждый воин упирается в потолок и обнаруживает, что, как бы ни хотелось одним махом с семерыми расправляться, всему есть предел.

Печально вздохнув, лектор продолжил:

– Таков второй факт, господа: ограниченность ресурсов. Ресурсы – я имею в виду те ресурсы, которые мы будем рассматривать на уроках экономической теории, – можно

подразделить на три вида: естественные (земля, полезные ископаемые), искусственные (инструменты, станки) и рабочую силу. Такая классификация, конечно, весьма условна и включает не все, но, в общем и целом, отражает главное с точки зрения экономики. Впрочем, данную тему мы раскроем позже. Сейчас же для нас важно наличие двух экономических фактов: безграничности потребностей и ограниченности ресурсов. Как совместить эти две противоречивые реальности? Об этом – на следующем уроке.

3

Через день должен был состояться урок по предмету «Лавка на практике». С непривычки не сразу нашел аудиторию и вошел туда буквально за минуту до начала.

– Здесь будет «Лавка на практике»? – спросил я.

Студенты осторожно кивнули. Я посмотрел, куда можно сесть, и заметил во втором ряду полноватого парня, которого видел на «Экономтеории».

– Можно? – спросил я, подходя к его парте.

Он кивнул, и я сел рядом.

– Серж, – мне показалось уместным представиться.

– Владислав, – ответил он и слабо пожал мне руку.

Ровно в этот момент в аудиторию вошел господин Норин, декан торгового факультета. Поприветствовав нас, он неспешно начал урок:

– Итак, господа, наконец вы подошли к ключевому предмету вашего обучения, самому важному и предельно практическому. Последний год... даже если для кого-то он же является первым, – улыбнулся мне декан, – подводит вас к собственному делу, в котором, как я надеюсь, вы объедините все полученные знания. Однако первые уроки мы посвятим повторению некоторых моментов, что вами уже пройдены. Во-первых, это освежит ваши знания, во-вторых, сосредоточит внимание на действительно важном.

Преподаватель на секунду задумался и продолжил:

– Вопрос первый: как выбрать направление для своего дела?

Студенты ждали продолжения, но оказалось, что декан хочет иного:

– Вообще-то это был вопрос к вам. Себе вслух я обычно вопросов не задаю.

– Определить потребность и удовлетворить, – сказал студент с первой парты.

– Верно, – кивнул лектор, – отчасти верно. Одна из сторон выбора дела заключается в этом. Под потребностью мы понимаем желание человека. Не стоит путать ее с нуждой. Например, спиртное, азартные игры как таковые не нужны здоровому человеку. Более того, нужда человека состоит в отказе от таких товаров. Однако, удовлетворяя желание человека, каким бы недальновидным оно ни было, мы можем заработать деньги, а потому включаем его в потребности. Что ж... казалось бы, все просто: мы определили, что человек хочет некий товар, и удовлетворили его потребность, отдав ему этот товар. Что еще?

– Важны условия, на которые он согласен пойти ради товара, – ответил один из студентов.

– Да, отчасти да. Цена, которую он готов заплатить, конечно, важна. Важно и то, где, когда, как человек готов принять товар. Важна разновидность товара. Удовлетворяющее клиента качество. Но это все, собственно, и есть потребность, о

которой мы говорили. Меня же интересуют две другие стороны вопроса. Итак?

– Условия, имеющиеся в обществе, и условия, которые можем задавать мы.

– Блестяще! Рад, что не забыли. Итак, мы многое можем предложить людям, но... общество не все примет. Хотели бы предложить скатерть-самобранку, но технология не позволяет. Желали бы быть единственными поставщиками, но конкуренты не дремлют. Хотели бы представить что-то роскошное, но страна не столь богата. Могли бы торговать поддельными документами, но закон запрещает. Таковы пять внешних условий, на которые мы не способны влиять. Мы можем их лишь принять и учесть. Перечислю их еще раз: общество, технология, конкуренция, экономика, закон. Перечислите теперь условия, на которые мы можем влиять.

– Товар, место, цена, продвижение, – чуть ли не хором ответили студенты.

Декан улыбнулся:

– Именно так, господа. Мы выбираем, чем торговать – товар, где торговать – место, почему торговать – цену, и как увеличивать сбыт – продвижение.

Вроде бы все сказанное на уроке само по себе было понятно, но смысл... я почувствовал себя здесь чужим: словно все всё знают, а я улавливаю лишь какие-то крохи. Преподаватель к моему удивлению, похоже, понял мое состояние:

– Господин Лерв, если чего-то не понимаете, ничего

страшного. Во-первых, часто достаточно здравого смысла, во-вторых, ключевые моменты мы рассмотрим подробнее, ну и в-третьих, при организации собственного дела каждому студенту будет оказана помощь.

Далее лектор обратился уже ко всем:

– Итак, есть потребность, есть всевозможные условия, и есть...

– Ресурсы!

– Да, господа, куда уж без ресурсов. Представьте, господин Воронин, – обратился декан к Владиславу, – что вы определили потребность уходящего вдаль каравана. Им очень-очень нужен охранник. Срочно. Вы можете заработать огромную сумму на этой потребности. Ваши действия?

– Попрошу Сержа помочь, – улыбнулся Владислав.

– Вы уже знакомы? Отрадно. И, кстати, хороший ответ. Если, конечно, господин Лерв даст свое согласие. Но речь не о том. Что если бы вы были одни?

– Не смог бы получить прибыль.

– Верно! Казалось бы, вы определили потребность. Ни одно из условий не препятствует вам: конкурентов нет, экономика, законы и прочее на вашей стороне, – но увы и ах, собственных ресурсов на осуществление нет, а значит, заработать вы не сможете. Именно поэтому, господин Воронин выбирает кофейный бизнес: среди его ресурсов капитал, знания, связи отца. Именно поэтому господин Домов выбирает продуктивное дело: связи отца, капитал. Очень часто про-

ще отталкиваться не от потребностей клиента, а от собственных ресурсов. Кстати, мы тут говорим «потребности», «ресурсы», в чем наше отличие от экономической теории?

– Там рассматривают потребности и ресурсы одного человека или одного общества, а мы говорим о потребностях клиента с одной стороны и наших ресурсах с другой, – ответила единственная девушка этой группы.

– Да, в общем и целом да, госпожа Грановски. И, кстати, возвращаясь к словам о том, что часто проще отталкиваться от собственных ресурсов, госпожа Грановски на своем примере продемонстрировала, что часто – это еще не всегда. Она пошла именно от потребности: четко определила ее и собирается удовлетворить, хотя, казалось бы, ни она, ни ее родственники никак с парфюмерным бизнесом не связаны.

Преподаватель окинул взглядом аудиторию и продолжил:

– Всегда важно учитывать эту комбинацию: свои ресурсы – потребности клиента. Без должных ресурсов вы не удовлетворите потребностей. Без клиентских потребностей ресурсы не принесут вам прибыли. И вот вам пример. Господин Домов, скажите, сколько бы вы заработали, если б вашим ресурсом было, скажем... пинание мяча. Вот вы лучше всех в империи пинали бы мяч, что бы было?

– Ничего, – после пятисекундной паузы ответил студент.

– Именно! Потому что никакой потребности в вашем пинании мяча ни у кого просто нет. Ни медяка вы б не получили... Впрочем, пару медяков в цирке, может, и зарабатывали

бы, – улыбнулся преподаватель. – Но представьте теперь, что у людей появилась жгучая потребность в лицезрении вашего... так сказать, искусства. Такая жгучая, что и алкоголикам не снилась. Что бы было?

– Я бы стал миллионером.

– В конечном счете да. Но каковы промежуточные шаги к этому?

– Ну брать деньги за представления, как в цирке, театре.

– Еще! Аудитория, не только к господину Домову вопрос, подключайтесь.

Первое предложение озвучил Владислав:

– Брать учеников.

– Да, господин Воронин, у великого пинателя мяча должны быть ученики. И не забесплатно, естественно. Еще!

Посыпались другие предложения:

– Организовать чемпионат пинателей мяча, в котором Антон будет чемпионом.

– Ставки! Тотализатор!

– Продавать мячи – только эти мячи подходят для пинания и никакие иные!

– Одежда для пинателей мяча – только в ней пинание достигает невероятных высот.

– Команды пинателей мяча!

– Патриотизм и все такое: поддерживайте только местных пинателей!

– Ага, а мы будем руководить этими местными команда-

ми.

– Культ пинателей мяча: не предавай своих кумиров.

– И вскоре эти кумиры станут министрами, главами государств!

– Газеты о пинателях мяча. Интервью с великим пинателем Антоном Домовым!

– Книги «Как научиться пинать мяч», биографии знаменитых пинателей.

– Договорные игры!

Студенты откровенно веселились.

– Что ж, давайте на этом все же остановимся. Господин Ковин, у вас очень интересное направление мыслей: тотализатор, договорные игры. Тут еще озвучили культ и ура-патриотизм. И это как раз та тема, которую я бы хотел затронуть. Мораль. Мы с вами рассматриваем технические моменты без привязки к тому, что хорошо и что плохо с точки зрения совести и морали. Вы знаете, меня многие считают беспринципным циником, но, как ни странно, и у меня есть свои рамки: я не помогу вам с проектом, скажем, борделя. Не помогу и ростовщической конторе. Причем я понимаю, что если сейчас ростовщик – синоним мерзавца, то, быть может, настанет время, когда его будут считать уважаемым членом общества. Он будет с гордостью говорить: я ростовщик! Ну или придумает какой-нибудь иной термин для своей деятельности. И, быть может, клиенты ростовщика, которые сейчас стыдятся своего обращения к подобного

рода услугам, и понимают: узнай кто – и их будут считать опустившимися на дно людьми... так вот, настанет время – и они будут гордиться своим обращением к ростовщику. Будут думать, что кредит – это не просто норма, а полезное для них и общества явление, будут считать ненормальными тех, кто отказывается от этого. Так вот, опираясь на историю и нашу с вами науку, понимаю, что да, может, все будет и так. Реклама, продвижение способны и не на такое. С помощью них можно и, извините, фекалии превратить в предмет искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.